

Реликтовое излучение

рассказ

После эры рекомбинации материя стала прозрачной для излучения, которое, свободно распространяясь в пространстве, дошло до нас в виде [реликтового излучения](#).

Шкловский И. С. Звезды: их рождение, жизнь и смерть. — М.: «Наука», 1975. — 367 с.

«Системное мероприятие» шло полным ходом. Все собрались в гараже, рядом с домом, где жил Дмитрий Васильевич, заведующий отделом горкома партии. Сегодня хозяин дефицитной недвижимости демонстрировал единомышленникам новое видение развивающихся во Вселенной социальных процессов. В прошлый раз говорили про политэкономия социализма. Как с ней быть и где найти самый тонкий учебник про неё, родимую? Основным «докладчиком» тогда был «экономист» - заведующий экономическим отделом.

Такое препровождение времени предоставляло собравшимся редкую возможность включать мозги и думать о чём-то ещё, кроме как о рутинных мероприятиях. Последние годы в их работе почти ничего не менялось, и это заметно угнетало. Менялись портреты генсеков и периодичность выхода постановлений ЦК на одну и ту же тему. Ещё, пожалуй, с новой силой «кричали» грозные резолюции, для пущей важности украшенные красными штампами. Каждый будто бы понимал, что если тебе судьбой уготовано с места на место

таскать камни, то ты хоть считай их или складывай как-нибудь толково... Это позволило бы фантазировать и порою вспоминать о таких целительных и давно забытых средствах психотерапии, как сарказм и ирония. В общем, «системное мероприятие» было приличной отдушиной для тех, кто, сидя в кабинетах с двойными дубовыми дверьми, каждый день по многу часов занимался одним и тем же делом, хотя и в новой красивой упаковке «с человеческим лицом». За этим «лицом» всё отчетливее просматривались незнакомые силуэты усердно насаждаемых сверху гласности, ускорения, перестройки и новой культуры питания. Начинало цениться свежее мнение. Оно ещё не звучало, но уже ценилось.

В то же самое время, совсем в другом измерении, там, где жила вся остальная страна, робкой поступью приближалась отечественная социология. Вместе с начальными проявлениями гласности, словно после первого дождя сквозь плотно укатанный асфальт общественного мнения стыдливо пробивались первые неформальные объединения. Многолетнее фактическое отсутствие выборности, как в партии, так и в государстве, необратимо подвигало общество к выборам всех и вся...

Дом, в котором жил «Василич», располагался в микрорайоне на краю города, в небольшом дворе. Вокруг маленького сквера с давно не стриженными тополями стояли ещё пять зданий, по-разному выкрашенные и разной этажности. С земли можно было любоваться их крышами с пестревшими заплатами из мятых листов ржавого железа. Над самым высоким домом торчали большие металлические буквы лозунга «Слава передовой советской науке». Текст был очень длинным, и чтобы уместиться, буквы прикрепили впритык. Утром они сливались с крышей, и лозунг не читался. Но зато, когда темнело, суть призыва легко угадывалась, хотя в последнее время она

становилась попросту неприличной: многие лампочки перегорели, и от третьего слова осталась только первая буква, от последнего – три в конце... В углу двора укромно приютились три гаражика. Они никому не мешали и даже приятно дополняли неказистый архитектурный ансамбль. Из одного доносилась негромкая речь.

– Давайте наконец-то выпьем за «красный сдвиг» и «реликтовое излучение», – провозгласил хозяин гаража, приглаживая рукой всегда аккуратную причёску. Внешне он походил на бывшего французского президента Жискара Д Эстена – этаким седой аристократ и интеллигент одновременно.

– Сразу за обоих? – искренне удивился «зампред», поправляя торчащие из-под рукавов пиджака манжеты розовой сорочки. Её нежные пастельные тона подчёркивали простые стеклянные запонки, в них отражался свет из-под красного абажура. Рубиновые блики то и дело слепили глаза собравшихся, отвлекая их от темы беседы...

– Иначе нельзя. Наука такого не терпит! – Дмитрий Васильевич Иванов начинал «системное мероприятие» для отдельных представителей верхнего эшелона аппарата горкома и горисполкома.

– Излагай. Хозяину не откажешь. Только не тяни, – опять за всех высказался «зампред».

«Философ», – так меж собой коллеги называли Дмитрия Васильевича, уселся на табуретке поудобнее, взял в руку кусок чёрного хлеба с докторской колбасой, аккуратно помазал его хреном и начал тост-доклад.

– Сначала, уважаемые коллеги, перед тем, как вкушать плоды моих изысканий, предлагаю выпить просто так!

– Во как! - опять отреагировал «зампред». Тот факт, что в своей «епархии» он отвечал за гаражи и другой подобный дефицит, позволял ему чувствовать себя в качестве косвенного хозяина мероприятия.

Все выпили.

– Иваныч, следующий посыл будет посложнее, – «философ» персонально обращался к Владимиру Ивановичу Соколову, заместителю председателя горисполкома. – Он потребует терпения и безусловной веры на слово профессору-технарю с дополнительным историческим образованием. Согласен?

– Согласен, давай!

– Количество звёзд в каждый конкретный момент времени, конечно...

– Обманываешь уважаемую общественность, – спокойно и безапелляционно заключил «зампред». Не поднимая головы, он с усердием раскладывал компоненты бутербродов на листе фанеры, уложенном на двух пустых ящиках.

– Точно говорю! Вещество – всего лишь конкретная форма существования материи. Следовательно, она конечна. Есть ещё одна известная нам форма – поле. Так вот бесконечен только переход вещества в поле и наоборот. – «Философ» сделал паузу, посмотрел на всех трезвыми глазами, задержал свой пронзительный взгляд на почти пустом импровизированном столе, чему-то удивился и продолжил. – «Красный сдвиг» доказывает тот факт, что сейчас Вселенная расширяется. То есть, когда-то очень давно, ну чтобы вам было понятно, ещё до революции, она сжималась. Давление на всё и вся было сумасшедшее. Накопилась такая огромная плотность

вещества, что оно стало неизбежно сталкиваться с таким же, но только очень редко встречающимся антивеществом. - «Философ» опять замолчал. Хотя можно было и не останавливаться: собравшиеся были более или менее образованные и с обострённым аппаратным чутьём. Они и так уже подметили в словах оратора нехорошую параллель с работой Ленина «Государство и революция».

- Это только лишний раз подтверждает, - вставил «оборонщик», - что ленинизм - учение единственно верное... Вообще, я имею в виду!

- Вот именно! Что имею, то и... - помощник первого секретаря горкома, боясь прервать основного оратора, оборвал на полуслове фразу из народного эпоса.

- Дальше - хуже, - «философ», не реагируя на «реплики из зала», продолжал лекцию. - Всё это плотненько уложенное хозяйство стало постепенно превращаться в электромагнитные волны, то есть в поле. А его ведь не видно... Давление на массы - электронов, конечно, - снизилось, плотность вещества сразу уменьшилась... Эти массы расслабились, раскрепостились и стали испускать свет наружу...

- И звук, - добавил «экономист». - Мы слышим его сегодня отовсюду, не только из ящика с экраном, а практически из любого умственного агрегата. Полагаю, - он продолжил с важным видом, - это совершенно новое явление науки, в частности, и повседневной практики развитого социализма, в особенности!

- Это гласность! - будто играя в угадайку, выкрикнул «помощник».

- Это «реликтовое излучение», а никакая не гласность. И его смещение в область именно красного цвета говорит о том, что звёзды

разлетаются. - «Философ» явно обиделся на непонятливых слушателей.

- И до сих пор куски вселенной разносятся в разные стороны... - загадочно, с каким-то особенным пониманием сути процесса и с тоскою в голосе вставил уже прилично подвыпивший «оборонщик».

Надо отметить, что заведующий оборонным отделом весьма своеобразно понимал генеральную линию партии на ускорение техпрогресса и предназначение своего сугубо отраслевого департамента партийного комитета. Его часто видели «в поле», но вовсе не в парткоме и не у директора крупного предприятия, а где-нибудь в закоулках математического или биологического института, на обычной кафедре или в столовке технического вуза. Там он встречался с конкретным учёным, у которого в голове ещё только зарождалось что-то новенькое. Незаметный и незапоминающийся, как и подобает всякому, кто работает на безопасность страны, «оборонщик» высасывал из учёного его основную идею, усваивал, - а он это умел вне зависимости от названия науки, - и тут же «с ускорением» бежал напрямик на совещание к соответствующему главному конструктору...

- Пройдёт время, - продолжал «философ», - чтобы вам опять было понятно, нас уже освободят от должности, и вселенная начнёт сжиматься... Это научный факт. Его можно фиксировать опять-таки по сдвигу. Только теперь уже в сторону синего цвета.

Все, не сговариваясь, привстали со своих импровизированных стульев и, с пиететом созерцая «философа», чокнулись чуть наполненными гранёными стаканами за семь копеек. Даже не закусили - ждали продолжения культпросвета.

Дмитрий Васильевич, будучи профессиональным лектором, знал, что нужно время, дабы у слушателей закрепился «усвоенный» материал. Он многозначительно замолчал, обводя общественность уже затуманенным взглядом.

– А вот, если закончится нефть или, к примеру, цена сильно упадет, её цена... То – кранты! Кушать будет нечего, – говоривший довольно громко рыгнул и, разводя руками, повернул к «философу» свою лысую голову.

– Молодец! – похвалил хозяин гаража легко пьянеющего, но, тем не менее, весьма эрудированного и всегда ясно мыслящего «помощника» – Именно так! Но до этого ещё далеко и это тема совсем другой лекции.

Гипотеза Дмитрия Васильевича сводилась к тому, что законы существования космоса, как он выражался, «пронзают» всё насквозь и не могут не отразиться на жизни «социума». Ведь Луна же влияет на людей своими отливами и приливами и ещё, Бог знает, какими заморочками в полнолуние... Умело используя метод дедукции, «философ» подводил слушателей к своему главному обобщению.

– Вот и у людей... То тоталитаризм, то сплошная демократия, то мощнейшая вертикаль власти, то беги куда хочешь, тащи, что хочешь! – уверенно и уж слишком популярно закончил хозяин гаража.

– То есть, если сейчас «вертикаль», то скоро будет «бардак»? Ты это хочешь сказать? – спросил «зампред». – Так его и сейчас предостаточно...

– То будет, как ты говоришь, «бардак» – не чета нашему, – ответил «философ». – Представляешь, что произойдёт, если начнут

действительно избирать местную власть? Уже сейчас приходят письма от всяких доцентов-обществоведов: «Давайте избирать руководителей, давайте избирать всех!». Мы им, конечно, отвечаем, что, согласно марксистско-ленинской науки, это возможно только при коммунизме. А они опять за своё...

Кто-то приглушённым голосом пророка заключил:

– К власти придут учёные, скрипачи и писатели...

– А у меня на этот счёт своё собственное мнение, – «помощник» всегда мгновенно переключался на новую тему. – Я думаю, они просто всё раздадут населению. Всё что есть! А потом хоть трава не расти! Главное нахапать и успеть убежать куда подальше... Не успеешь! Тогда, как говорили в фильме «Щит и меч»: «можно запросто схватить инфекцию».

– Не понял, – вставил «экономист», – так, нахапать или всем раздать?

- Нахапать, нахапать!

- Хм. Так понятнее. При бардаке обычно всплывают уголовники. Они эту среду кишками чувствуют...

- А ещё финансисты, экономисты и юристы, – вставил «помощник».

- Так что первыми проявятся или бывшие, или будущие уголовники, а вовсе не композиторы, – не обращая внимания на обидную реплику «помощника», продолжал «экономист». – А что? Я так думаю... Это ведь реальная составная часть новой культурной общности под названием «советский народ»... Почему не избрать таких? Купят всем по продуктовому набору...

- А аппарат всё равно сохранится! При любой «вертикали», хоть при тоталитарной, хоть при демократической, хоть при бандитах... Никто кроме нас! - «помощник» с пафосом выкрикнул девиз десантников. - Уж извини, Владимир Иванович, но ты же знаешь, все всегда звонят в райком, а не в твой дворец! - Его явно потянуло на аллегории, и он продолжил, выдав видимо заранее продуманную тираду: - Разлагающийся от интриг верхушки партии, аппарат постепенно превратится в «мужиков» на зоне, в своего рода, кучу пауков, обволакивающих своими секретами всю руководящую «вертикаль». А?

- Где же «Первый» будет зачитывать твой опус? - с насмешкой в голосе спросил «экономист».

- Да, нигде! - вместо «помощника» ответил «зампред». - Просто наш писатель так компенсирует пагубное влияние своего вредного цеха на психику... А страна в это время будет разлетаться на куски, как твоя Вселенная, - добавил «зампред», тыча пальцем в «философа», - их подберут те, кто побогаче, и ку-ку.

- Если успеют! - опять загадочно произнёс «оборонщик». - Ракетки всякие ведь тоже достанутся, кому не попади. Только ленивый не нагнется подобрать...

В железные ворота постучались. «Философ» встал и направился к выходу. В гараж вошёл парень лет тридцати пяти, в руках тяжёлые сумки, а глаза с любопытством осматривали непривычные хоромы.

Внутри гаража было уютно. На стенах, обшитых вагонкой, будто серпантин, висели разноцветные провода. В углу на полу стоял электрический масляный камин со светящимися искусственными угольками. От него в середину помещения мощный вентилятор гнал тёплый поток воздуха. С потолка над фанерой с закуской свисал

старый красный абажур. Он освещал бутылки, стаканы и бутерброды, сохраняя вокруг простого натюрморта лёгкий полумрак. В нём то и дело поблескивали запонки «зампреда». Пахло водкой и докторской колбасой. Никто не курил.

– Вуаля! Прошу любить и жаловать, – Василич вытянул вперёд руку и указательным пальцем упёрся в грудь вошедшего. – Кондратьев Андрей Михайлович. Почти мой второй зам, успел чуть-чуть побывать в Афгане и... даже вернулся, недавно вывозил группу туристов к натовцам... Снова не бросил Родину... Опять вернулся! То есть, я хочу сказать – проверенный кадр.

Андрей протиснулся вглубь гаража, подошёл к фанерному листу и выложил на него всё, что было в сумках: бутылки с водкой, полиэтиленовые пакеты с квашеной капустой, чёрный хлеб, кусок сала и бутылку вражеского зелья – виски, привезённые из недавней заморской поездки.

– Здравствуйте товарищи! – Кондратьев вспомнил смешное приветствие, услышанное им когда-то в райкоме на таком же мероприятии, и продолжил его, показывая ладонью, чтобы при его появлении никто не вздумал вставать. – Сидите, сидите! – Меня зовут Андрей.

– Бог ты мой, Андрюха! – вскрикнул «зампред».

– Владимир Иванович! – вот это да-а-а! Пять лет! – пропел Кондратьев, покачивая головой и с трудом продвигаясь к своему бывшему райкомовскому начальнику. Они крепко обнялись. Все одобрительно заголосили.

– Возвращение блудного сына...

– Вот они, достижения пятилетки!

– Василич, ты молодец. Правильный выбор. Ты ещё не знаешь, что Серега может за один день закрыть десяток постановлений ЦК сразу?

– Ну, ладно, однополчане, наговоритесь ещё, – «экономист» прервал поток эмоций. – А ты Андрей встрейвай в тему. Свежая мысль нас облаго-да,.. облагода... Ой, обла-го-родит. Вот! – Через секунду-другую он с явной тоской в голосе добавил: – Но как хочется блага!..

– Иваныч, а я и не подозревал, что ты вместе... – не успел закончить хозяин гаража. «Зампред» гордо поднял голову, повернул её чуть влево, как это проделывал бывший первый секретарь горкома, когда, стоя на трибуне очередного пленума, отрывался от текста доклада:

– Не нужно подозревать. Нужно чаще просматривать дела подчинённых и быть уверенным, что люди обязательно встретятся, если они идут вперёд по большаку, а не виляют потаёнными тропами.

– Вот видишь, Василич, твой гараж сегодня самый большой большак! – сострил «оборонщик».

Все поднялись и выпили за новенького, а после и за самый большой большак. Подуспокоились и постепенно стали возвращаться к теме дня.

– Всё дело в том, – первым начал «экономист», – что «избранникам народа», да ещё и нахалюву избранным на волне перемен, власть не нужна. Так, побаловаться и только. Наверху всегда нужен тот, для кого власть абсолютная ценность. Тогда это власть! И он её ни на что не сменяет. Ни на «жигули», ни на дачу...

Кто-то с трудом произнёс:

- О чё-ём ты говоришь? Какие там «жигули»!

- Точно! Зачем «жигули»? - продолжал «экономист». - Вчера в обед вхожу в наш буфет - чуть не помер! Показываю Клавке на парня молодого, мол, это ещё кто? А она мне шопотом, говорит: «Отдел науки»... Ну, думаю, ускорение! Ведь и бюро не заседало. Ещё вчера вечером ты, Василич, а утром уже этот. Есть не стал, пошёл разузнать. Точно! Твой, Василич! Видать, из свежей струи, из мэнээсов. Так вот, минуя школу райкома, прямохонько в горком, в серпентарий аппарата.

- Что ты хочешь? Новое мышление! - добавил всёзнающий «помощник». Из завлабов прямо в министры! Из мэнээсов - в горком! Такие за полушку хлеба и сдадут врагу Родину!

- Мне уже рассказывали, - заулыбался Дмитрий Васильевич, - это мои новенького решили подучить. А то, орготдел теперь берёт слишком молодых да шибко умных, со степенью и лауреатов всяких премий... Он завсектором науки. Ему и сказали, мол, чего ты с нами сидишь, ты же заведующий, ваш буфет отдельный, всё без очереди, официантка обслуживает...

- И купился? - не выдержал «помощник», - вот дебил!

- Ну, что ты! Не сразу. Сомневался. Его прямой начальник, мой заместитель, ведь со всем отделом сидит за одним столом...

- Но приставочка «зам» сыграла с ним свою роковую шутку, - закончил писатель всех выступлений «Первого». - Конечно! Он же «заведующий», без всяких там приставочек! А это звучит гордо! И не важно, заведующий чего!

- Ну, ладно, за этот курс молодого бойца тоже следует выпить, - «философ» как бы подводя промежуточный итог, вдруг произнёс: -

Нужно и то и другое! Иначе не успеешь оглянуться, как пять лет пролетят в одно мгновение, и света божьего не увидишь! «На кой такая жизнь?» - спрашивается в задачке.

Все переглянулись. Было заметно, что никто ничего не понял. А потому никто и не выпил. «Помощник», гордо подняв голову, отчётливо вымолвил: «Пьём только по существу вопроса!»

- Вот он у меня и зародился, простой и естественный вопрос. Я спрашиваю: «когда и что?» - многозначительно произнёс «оборонщик». - Нет, я спрашиваю: «Когда и что именно?» И как их вовремя увидеть, твои «красное» или «синее» смещения? Может, ещё и «белое» есть? Тогда понятно, к чему ты клонишь... Всё это белогвардейские штучки...

- Вот ты убиваешь меня этим вопросом! - от безысходности «философ» махнул рукой. Спасая профессора, «зампред» уточнил:

- И вот я ещё так скажу: «избранники», дилетанты от власти, убегают легко, а вот профи задерживаются надолго...

- А как там, в космосе? Что дольше: сжатие или расширение? - «помощник» спросил Васильича, будто что-то важное, тревожное для себя лично.

- Если быть «последовательным марксистом», и ещё с учётом аналогий, то согласно ранее выдвинутой гипотезы и наблюдениям «зампреда», конечно, сжатие.

- Это с учётом феодальной эпохи, или без неё? - съязвил «зампред», расстроенный от того, что никто не оценил только что придуманное им понятие «дилетанты от власти». Теперь он явно намекал на новую историческую специализацию профессора-технаря. История ведь не физика! Тоже наука, но уж больно от всех зависит.

Ответа не последовало. В это время Дмитрий Васильевич тихо подкрался к молчавшему «экономисту», чтобы посмотреть, как тот играет в модную игру, и прямо в ухо громко прошептал: «Ты чего? Всё фигурки расставляешь! Не надоело на работе?»

– А я не могу остановиться так сразу, как ты. Функция заряжена и я весь в ней. Вчера приехал один оттуда, – «экономист» показал пальцем на потолок, – говорит: «Много неэффективных институтов у вас, надо сокращать! Например, институт археологии». – Это твой, Василич, – пояснил заведующий экономическим отделом, – академический... – Подождав немного, «экономист» завершил мудрые слова московского «гостя»: «Эти копают в Псковской области. Вот пусть туда и едут...»

Никто из собравшихся в гараже даже не поморщился. Выучка!

– Теперь упражняюсь встраиваться в меняющуюся конфигурацию власти. Не-ет! Лучше не выходить, а то «руку собьёшь», – закончил «экономист».

– Ой! Знаете этот анекдот? – Радостно вскочил «зампред», – Серёга, ты-то должен его помнить. Мужик приходит в рюмочную. «Мне сто пятьдесят водочки и селёдочку с лучком»...

– А что, Василич, давай в следующий раз с селёдочкой! А? – протирая галстуком очки, вставил «помощник». – Я груздей принесу солёненьких и картошечки разваристой со сливочным маслом и укропом...

Все сообразили, что товарищ явно работал раньше в райкоме и знал толк в системных мероприятиях.

– Лука репчатого не забудь нарезать и посыпать грибки, – задумчиво произнёс «оборонщик». – А то мои теперь всё чаще пьют

спирт с чаем прямо из стаканов в подстаканниках и закусывают кусочками сахара...

«Зампред» продолжал:

–...Продавец подхватил бутылку, сходу плеснул в стакан, взял деньги и ждёт. «Т-а-ак! - говорит мужик, – контрольная закупка». Померили - 130. Штраф пять рублей!

Проходит день. Опять появляется тот же мужик: «Мне водочки 150..», – «зампред» с пониманием посмотрел на сидящих вокруг, – ладно, без селёдки. Продавец снова взял бутылку, изящно взмахнул ею и налил. - Стоп! Проверка. - Вышло опять 130. Ещё штраф! На третий день контролер приходит и говорит: «Слушай сюда. Я контролёр, мне 150 водки». – А продавец одним движением - бульк! Снова 130.- «Ты чего, дурак, что ли? Я же сказал: я контролер, тебя же штрафами забью...». – А продавец ему так спокойненько: «А мне дороже руку сбить».

Никто не смеялся. Все почему-то умолкли и уже пропустили два предложения выпить. То ли рассуждали про бедного «экономиста», который никак не отойдет от повседневной дури, то ли о грядущем большом бардаке...

- Тогда пруд за окном почему-то покрывался зелёноватой рябью и напоминал болотце, – тихо и задумчиво произнёс «экономист», видимо вспомнив цитату из какого-нибудь романа. Он закончил игру в «тетрис» и вышел из гаража покурить.

За ним увязались Андрей и Соколов. Сначала два бывших сослуживца обмыли косточки всех своих коллег по райкому. Особо прониклись успехами бывшего заместителя Соколова. Ещё бы, он

одних взносов партийных сдал на пару «жигулей». И с чего? С самодельных конфет! Вот он, техпрогресс в действии!

Соколов часто встречался со своим бывшим замом и поэтому знал все премудрости технологического процесса его обогащения. Тот варил в кастрюле сахар и делал из него пушистые комочки на палочке, потом покупал разноцветное драже, крошил его молотком в мелкую крошку и посыпал им это чудо... Детям такую красоту возьмут за любые деньги!

«Зампред» повернулся к «экономисту» и пока никого не было рядом, неожиданно серьёзно спросил.

– Слушай, а как же вы думаете с планом-то быть? Ведь не будет плана... Весь город не выполнит практически ни одно задание...

Соколов произнёс эти слова с болью в сердце, как Сталин Жукову в самые тяжёлые для Москвы дни. Потом в памяти у Кондратьева ещё долго крутились, как ни странно, совершенно трезвые слова «экономиста».

– Иваныч! У нас в стране "режим"! А где режим, ты же знаешь, там все правила, гласные или негласные, устанавливаются сверху. Неужели ты думаешь, те, что наверху, не знают об этом плане и о том, что его в этом году не будет нигде. Тебе же не нужно рассказывать, для чего сидят там эти министры и члены правительства, твой председатель исполкома и такие же, как он по всей стране. Разумеется, для счастья народного! Так, что же ты хочешь от их низших структур? Они тоже работают только для этого. Чиновничья сеть внизу, такая же, как и на самом верху, при всем своём кажущемся различии...

Кондратьев уже в который раз за последние несколько лет вспомнил про Инструкцию «о делопроизводстве». Она точно одинаковая для всех! Потому и аппаратная паутина любой власти всюду одна и та же ещё с четвёртого года советской власти. Через несколько лет работы Андрей стал ясно отдавать себе отчёт: всё, что его окружает в аппаратном сообществе, - враждебная среда. Никто не ринется, сломя голову, вместе с тобой исполнять поручение руководства, даже если его фамилия стоит в перечне ответственных исполнителей. Слишком быстро любой живой организм постигает простую до боли истину: из всего длинного списка отвечает только тот, чья фамилия стоит первой, остальные - так, для пущей гласности и минимизации ответственности руководства. От каждого нужно ждать только плохого. От заявителя - повторного письма, от соседей - двукратной жалобы по любому поводу, от коллеги - конкуренции, от начальника - кучи дел, от секретаря парткома первички - ошибок, от директоров предприятий - письма из районного КГБ о том, что инструктор райкома Кондратьев, мол, встречаясь и беседуя с должностными лицами предприятия, затрудняет проведение контрразведывательных мероприятий на закрытом объекте.

Поэтому первое, что само усердно закреплялось в психике Кондратьева - обостренное чувство опасности и способность её фиксировать по малейшим нюансам поведения окружающих, по мимике, запахам, звуку, по всему тому, что может двигаться и изменяться. Он хорошо помнил, как его бывший начальник Соколов, беседуя на досуге с непонятливыми новенькими инструкторами и подражая Чапаеву, спрашивал: «Ну, кто ты есть такой? Ведь не руководитель коммунистов, а всего лишь их инструктор. У тебя нет никакой власти! Ты ничего не можешь приказать или решить. Только советовать и контролировать. Советовать и контролировать. Но что

занимательно? - После этого риторического вопроса заведующий делал паузу и весь преображался. Лицо становилось светлым, в глазах появлялся шаловливый блеск, такой же, как от его вечных запонок на манжетах сорочки, не белой, как положено, а обязательно пастельных тонов. Он поворачивал голову чуть влево и приподнимал подбородок. Все сразу напрягались и вытягивались в струнку. А как же!? Ведь тогда именно так смотрел на членов горкома первый секретарь. - В чём таинственность и радость нашего существования? - замороженно продолжал начальник. - А в том, дорогие мои, что эта самая власть мгновенно возникает из ничего, как только твоя бумажка будет подписана тем, кто её имеет или хотя бы украшена его автографом в уголочке слева наверху».

Теперь-то Кондратьев прекрасно понимал, что именно здесь, в документообороте, зарождается власть аппарата, власть функционера! Именно здесь в текст документа незаметно закладываются неопределённости, а потом на них нанизываются интриги и, в конце концов, порождаются и накапливаются проблемы. Именно в этом омуте захлёбываются идеальные взаимоотношения, тонут благие намерения, размывается изначально заманчивая идеология, гибнет любое дело. В этом - момент истины!

Правда, к пониманию истины каждый приходил в своё время, кто быстрее, кто медленнее, кто-то с нулевой скоростью... Заторможенность лихо компенсировалась. Такой вылетал наружу, будто пробка от шампанского. Только ответственные товарищи из орготдела её всегда придерживали рукой, чтобы слишком громкий звук лишний раз не идентифицировал их ошибку при подборе кадров. Тем не менее, неприятный и приглушенный хлопок надолго оставался в памяти всех, кто был рядом...

Андрей вдруг вспомнил, где он, встрепенулся и отбросил всю эту кутерьму с партийными изысками. В логическое продолжение его воспоминаний громко прозвучали слова «экономиста».

– ...Поэтому всё продолжается и держится прочно, – «экономист» заканчивал излагать «зампреду» своё понимание современной действительности. – Те, кто пошёл в чиновники и старается что-то порядочное сделать, конечно, вызывают уважение. Но это «народничество», Иваныч. Оно не делает погоды. Такие были и раньше, как ты знаешь, и считались, чуть ли не дурилками "идейными". В общем, пока не поменяется режим, его составляющие, понятное дело, тоже не изменятся. Идут другие процессы, Иваныч, более мощные, чем планирование, украшенное плановой дисциплиной. Забудь о работе в своём райкоме. Сейчас уже и Знамен-то вроде как, нет...

«Зампред», узнав про самое святое для него ещё с промышленного отдела райкома, махнул рукой и вернулся в гараж.

«Экономист» заканчивал курить. Подъехала старая «Волга» соседа Васильевича по гаражу. Из неё медленно вылез пожилой мужчина с авоськами в руках. Он устроил их около дерева и стал отвязывать от багажника на крыше машины невесть где собранные разные маленькие досочки и железки.

– Василич тут? – вместо приветствия, будто пароль, спросил старик и мотнул головой в сторону гаража «философа».

– Здесь, здесь. Он всё время здесь, – как-то задумчиво ответил «экономист». Потом повернулся к Кондратьеву и, глядя ему прямо в лицо, сказал, – А вот о каких-либо изменениях в самом «режиме», не знаю, старик. Не положено! По радио скажут...

Эти слова относились к нему. Мол, он самый молодой, ему и расхлёбывать кашу.

– Думаю только, что теория нашего дорогого «философа» на практике не будет реализована. – «Экономист» выбросил в урну окурок, ещё раз взглянул на Андрея, ничего не сказал и вернулся в «конференц-зал».

Здесь дискуссия была в самом разгаре и уже клонилась к развязке. Пили, не чокаясь, в разнобой, кто, за что... Кто-то даже начал смолить прямо в гараже. Но запах докторской колбасы и репчатого лука явно побеждал. «Помощник» уже покинул свою табуретку и взобрался на стоящий у стены верстак. «Оборонщик» находился около стола и что-то вылавливал в своём стакане, пытаясь, по-очереди использовать и вилку, и нож, и отвёртку. Дмитрий Васильевич стоял со стаканом в руке. На его лице была радость от умиления. А умиление – от окружающей теплоты искреннего общения, напомнившего ему родную и более привычную среду учёного сообщества.

– Так, вот я думаю... И даже не постесняюсь этого совсем не нашего слова, уверен, что на самом верху есть «Тот», – Василич произнёс это слово с таким почитанием, будто говорил не иначе, как про Ленина, – кто всё это видит и, изредка, когда приспичит, меняет вектор общего движения. Вот и сейчас, я чувствую кишками, как он его будто железнодорожную стрелку... переставляет на другой путь.

– Ты, Василич, слова перепутал, – сказал «помощник», сидя высоко на верстаке и болтая ногами. – Это уже писал один, перед тем, как его киркой шлёпнули в тёплой Испании. «Чиновник, живой, из мяса и костей, поворачивает генеральную линию партии, как

пожарный — свою кишку...» А вот стрелка? Так она, родимая, нам всем ещё предстоит. И именно там, на «самом верху»...

– Ну, какой, к черту, техпрогресс и ускорение? – без всякой увязки с предыдущими озвученными мыслями произнёс вошедший «экономист». – Техпрогресс делается или в лагерях, как при Сталине, или там, где у тебя всё есть, даже, если ты его не делаешь.

– Проснулся! Мы ведь не про него, – по-прежнему, старался корректировать выступающих «зампред». – Ну, если разве что для примера...

– Я, к примеру, недавно читал свежее цековское постановление про техпрогресс. – Это уже Кондратьев позволил себе высказать собственное суждение на уважаемом кворуме. – Нам придётся делать такое же, исполнительское. Слово в слово, Иваныч, то, что мы писали в райкоме ещё пять лет назад. Через полгодика я сбацаю справку, уважаемый Дмитрий Васильевич подмахнёт, а наверху, в уголочке снизойдут и выведут ненавязчивое словцо: «Согласен». Всё! Как и не было никакого постановления! Вот и весь техпрогресс! А то, что мы это сделаем на этот раз с ускорением, которое от всех нас требует партия и её генеральный секретарь... Полагаю, в этом никто не сомневается.

Все повернули головы к Кондратьеву. Тот до сих пор молчал, а тут вдруг осмелел и разговорился. Кто-то вымолвил:

– Ну, ты могёшь, Василич. – Непонятно, что имелось ввиду. – То ли то, что Василич подмахнёт бумагу, то ли вообще, о жизни, об этом гараже или о чём другом?

– Какие кадры! – добавил «экономист».

– А я думал, он здесь, потому что виски привёз из-за бугра, – добавил «оборонщик».

«Философ» опять встал со своей табуретки, прихватил кусочек колбасы и вдруг выдал самое сокровенное. То ли не выдержал и раскрыл свою самую главную вымученную годами тайну, то ли Кондратьев и «зампред» своими одинаковыми райкомовскими повадками так подействовали на него.

– Я вообще считаю, что человек способен жить одновременно в нескольких мирах: видеть один мир, слышать другой, а физически тело живёт в третьем. Но из-за невозможности синхронизации ощущений, возникает стресс...

– Василич! – «помощник», всегда гордясь тем, что почти всё пишет для своего босса, со знанием дела вставил. – Этак вот, живя в разных мирах, вообще нигде никто и ничего делать не будет. – И тут же многозначительно добавил: – Всё-таки какой мощный русский язык! Тройное отрицание! Как тут добьёшься выполнения написанного, если его можно трижды абсолютно литературным языком послать по известному адресу.

– Вот и я не могу синхронизировать три очевидных факта, – начал свои логические построения Соколов, – вижу, что толково сижу здесь с друзьями, слышу интересные речи, сердцем чувствую яркие и искренние переживания, а внутренний голос прямо физически, как обухом, бьёт меня по башке... Водка-то закончилась!... И от этого у меня, конечно, возникает стресс.

– Кто у нас самый маленький? – пробубнил «помощник», подпирая спиной утеплённую стену гаража. Все завертели головами, с надеждой и одновременно с уверенностью устремили свои помутневшие взоры на Андрея.

Тот, не оспаривая очевидный факт, отправился в магазин за «продолжением».

Он быстро и уверенно шёл к ближайшему гастроному, где по новым законам уже два часа, как не должны были продавать алкоголь. Но поскольку кроме алкоголя там почти ничего не было, то сохранялась высокая вероятность выполнить данное ему партийное поручение.

«Почему? Почему не уйдут, – задавал себе один и тот же вопрос Кондратьев. – Ведь понимают всю бесполезность... Да, это не диссиденты, которые с разбегу напрыгивают на власть, а потом сжигают себя на Красной площади в знак протеста. Каждый личность. За спиной биография! Они по-своему что-то пытаются сделать, что-то изменить... И всё же. Образ жизни не хотят менять? Руку не хотят сбить? Как они все притихли после этого анекдота!»

«А сам-то?» - тихо произнёс Андрей.